

О ВОЗМОЖНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ «РОГАТЫМ» ЛОШАДЯМ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопками на Алтае памятников пазырыкской культуры скифо-сакского времени была выявлена целая серия изделий из органических материалов уникальной сохранности. Среди них выделяются конские маски-оголовья, «превращавшие» коня в рогатое животное – оленя, козла, грифона. Вопросам семантики древних маскированных лошадей посвящена обширная литература, имеется несколько графических реконструкций. Сопоставление масок, зафиксированных в пазырыкских курганах, с некоторыми артефактами и изобразительными комплексами, обнаруженными на территории от Китая до Британских островов, позволяет предполагать наличие на огромных пространствах Евразии в середине – 2-й половине I тысячелетия до н.э. каких-то мифов, персонажами которых выступали всадники верхом на рогатом животном. Вероятная героическая составляющая таких мифов делала их особенно актуальными в эпоху раннего железа, когда роль воина-вождя-героя действительно была велика. Осуществляемая интерпретация позволяет раскрыть отдельные стороны мировоззрения древних народов. Существенную помощь в этом процессе могут оказать не только материалы соседних территорий, но и весьма отдаленных регионов.

Ключевые слова: Алтай, эпоха раннего железа, пазырыкская культура, конские маски-оголовья, изображения «рогатого» коня.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-05

В ряду уникальных изделий из органических материалов, сохранившихся благодаря вечной мерзлоте в курганах урочища Пазырык на Алтае, особое место занимают великолепные конские маски-оголовья, документирующие существование у носителей пазырыкской культуры ритуальной практики маскирования коня в рогатое животное. Вопросам семантики маскированных лошадей посвящена обширная литература. По-видимому, эта практика основывается на широко распространенной в древности традиции считать диких животных более сакральными по сравнению с домашними (см.: [Черемисин, 2005]). Следует отметить, что исследователи основное внимание уделяют материалам именно Пазырыкских курганов и, прежде всего, самой, пожалуй, эффектной находке этого типа – оголовью коня №10 из кургана I, имитирующему рога оленя [Руденко, 1953, табл. LXXI-1; рис. 1].

Бестиарий превращений коня в рогатое животное довольно разнообразен: раскопки I, II, III и V Пазырыкских курганов дали конские оголовья с изображением рогов или головы оленя, рогатого львиного грифона, головы барана [Руденко, 1953, табл. LXXI, LXXII]. Последовавшие впоследствии

Рис. 1. Конская маска-оголовье из I Пазырыкского кургана (по: [Руденко, 1953])

Рис. 2. Маскированный конь из 11 Берельского кургана. Реконструкция (по: [Im Zeichen..., 2008])

народов (см.: [Черемисин, 2005, с. 131]). Некоторые данные не исключают возможности включения в зону распространения этой традиции и территории Центральной и Западной Европы.

Простая констатация наличия традиции маскирования коня в рогатое животное вызывает ряд вопросов. Как воспринимали древние коня в оголовье? Именно как рогатого коня или, по их представлениям, он полностью перевоплощался в оленя, козла, барана, быка? Какова была функция этих маскированных лошадей или их перевоплощений? Обычные жертвы? «Проводники» в потусторонний мир? Транспортные животные? Если «да», то какие – верховые или тягловые? Имеющиеся в нашем распоряжении данные допускают (подразумевают?) разные варианты ответов на эти вопросы.

Рис. 3. Всадник верхом на олене. Петроглифы Семиречья (по: [Марьяшев, 1979])

открытия в I Туэктинском, II Башадарском и 11 Берельском курганах добавили в этот список горного козла [Руденко, 1960, табл. XXXVIII, LXIX, LXX; Samašev u.a. 2002, Abb. 27; рис. 2]. Материалы же петроглифов Центральной Азии не только добавили сюда быка, но вместе с крылатыми конями с рогами горного козла, украшавшими кулах вождя из Иссыка, распространили эту традицию и на племена сакского круга [Черемисин, 2005, с. 131–132; Акишев, 1978, с. 18, рис. 9]. Отголоски этой же традиции фиксируются у европейских скифов [Кузьмина, 1977, с. 104] и в материалах этнографии тюрко-монгольских

народов (см.: [Черемисин, 2005, с. 131]). Некоторые данные не исключают возможности включения в зону распространения этой традиции и территории Центральной и Западной Европы.

Судя по оснащению, конь с рогами оленя из I Пазырыкского кургана был животным верховым. В этом случае пазырыкский вождь мог восприниматься соплеменниками как всадник, оседлавший оленя. Подобный сюжет – всадник

верхом на олене – неоднократно встречен в искусстве древних культур, территориально достаточно удаленных друг от друга. В петроглифах Семиречья известна сцена, изображающая всадников на лошадях, лучников, крупных оленей и всадника верхом на олене. Датируется она в пределах сакского или тюркского времени [Марьяшев, 1979, с. 224–227, рис. 14; рис. 3]. Любопытную аналогию ей мы наблюдаем далеко на Западе, в Германии. На погребальной урне, обнаруженной в Лазе (земля Шлезвиг-Гольштейн), процарапана схематическая композиция, в которую, помимо зигзагообразного орнамента и непонятной фигуры в виде песочных часов, входят стреляющий стрелок из лука,

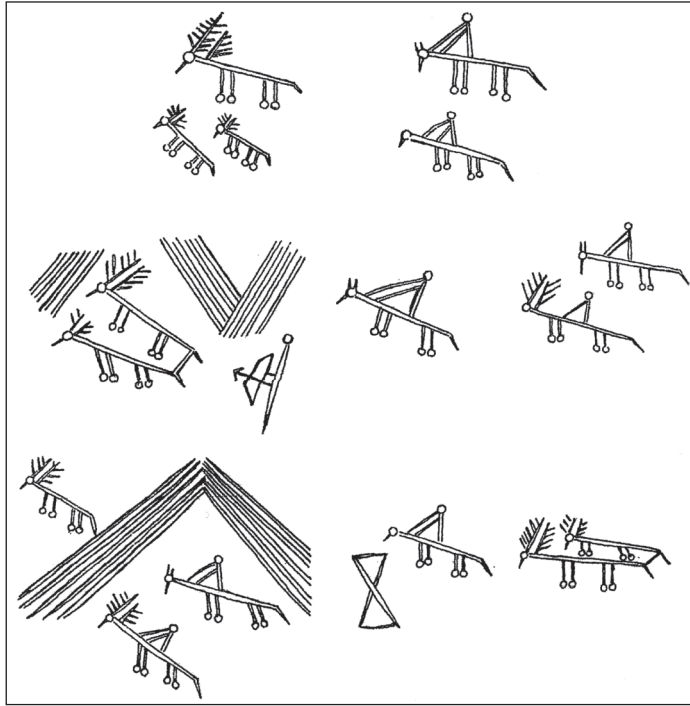

Рис. 4. Рисунок на погребальной урне из Лазе (по: [Vajda, 1968])

восемь безоружных всадников, шесть из которых на лошадях, два на оленях и еще восемь оленей без всадников. Четыре из них объединены в две пары, состоящие из более крупного и более мелкого животного. В области хвоста они соединены между собой короткой линией. То, что рисунок нанесен на погребальную урну, делает предположение, что это иллюстрация какого-то мифа, наиболее предпочтительным. Обычно урну относят к лаузитской культуре, хотя нельзя полностью исключать и ее датировку эпохой латена [Vajda, 1968, S. 340–343, Abb. 8.-2; рис. 4].

Многочисленны композиции с участием всадников на оленях и в широко известном скоплении петроглифов в Валькамонике на территории Ломбардии. Исследователи связывают эти композиции с культурой кельтов. Всадники на оленях, как правило, вооружены, в ряде случаев их изображения итифалличны, иногда в композицию входят и «пляшущие человечки» (кстати, упомянутый всадник на олене из Семиречья тоже выбит рядом с «хороводом»). По крайней мере в одном случае у оленя показан очень пышный хвост, что невольно наводит на мысль о маскированном коне [Anati, 1961, p. 169, 171; Botheroyd, 2004, S. 161, 342–344; рис. 5].

Можно упомянуть и золотые серьги конца IV в. до н.э. из некрополя Нимфея и золотое кольцо из коллекции Харари, на которых верхом на олене в посадке амазонки скачет Артемида с факелом [Williams, Ogden, 1994, p. 173–174; рис. 6], и изображения Дианы с копьем верхом на олене на римских глиняных лампах начала н.э. [Die Unsterblichen..., 2012, S. 128, Abb. 9.-8)].

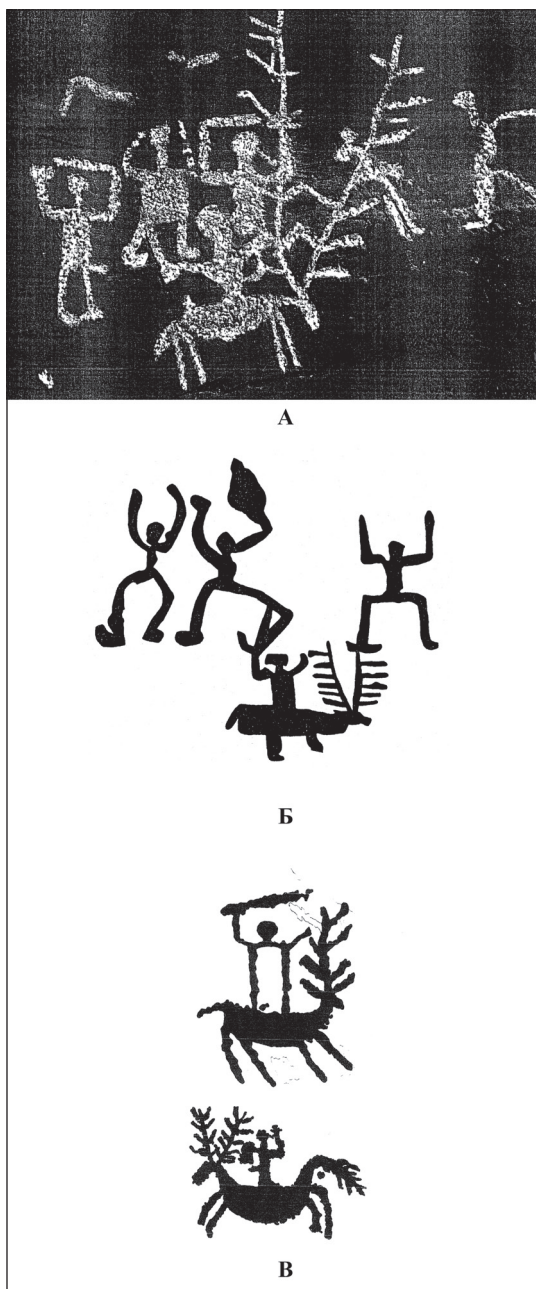

Рис. 5. Всадники верхом на оленях.
Петроглифы Валькамоники
(по: [Anati, 1961, А, Б; Botheroyd, 2004, В])

здесь было большое количество ям со множеством артефактов, в том числе с черепками с посвятельными (?) надписями греческими буквами и фрагментами железной скульптуры коня. Рядом с ямами был спрятан «клад» из шести золотых монет в бронзовом «порт-

Есть, наконец, и свидетельства существования каких-то обрядов или ритуалов с участием реальных оленей в упряжи. Так, в могиле 34 раннелатенского могильника в Вильнёв-Ронвий (деп. Марн, Франция) захоронен олень в удилах. Животное было убито ударом в голову. Есть несомненная связь этого захоронения с могилой воина высокого социального ранга и есть все основания говорить, что это – погребальная жертва [Pauli, 1983, S. 468–479, Abb. 4; Birkhan, 1997, S. 703–704; рис. 7].

Погребение взнузданного оленя может помочь в интерпретации еще одной находки. При добыче галечника со дна Дуная около г. Пфальхайм (земля Баден-Вюртемберг, ФРГ) были подняты великолепной работы биметаллические ажурные удила, надежно датируемые раннелатенским временем. Сама по себе эта находка не является экстраординарной: для кельтов вообще были характерны жертвоприношения в водные источники. Интерес вызывают размеры удил. Даже с учетом того, что лошади кельтов были меньше современных, они слишком малы для коня, но сопоставимы по размеру с удилами из погребения оленя во Франции [Pauli, 1983, S. 459–468, Abb. 1].

Не исключено, что в один ряд с этими находками можно поставить и любопытное граффити на керамике, найденное при исследовании известного кельтского оппидума Манхинг (земля Бавария, ФРГ). Речь идет о крупном фрагменте сосуда в форме ситутлы, который можно датировать среднелатенским временем. Он залегал в средней части оппидума, на участке, который имел, видимо, какое-то культовое назначение:

моне». Интересующий нас фрагмент располагался в нижней половине сосуда, дно и придонная часть которого утрачены. На нем в профиль показан галопирующий вправо олень. Рисунок выполнен довольно схематично и небрежно, нечетко прорисованы рога, нет ушей, зигзагообразной линией передана грива, отсутствующая у реального оленя, но типичная для мифических зверей кельтов. Есть подозрение, что автор этого граффити попытался показать крыло с оперением. Голова, область шеи

Рис. 6. Артемида на олене. Золотые серьги из Нимфея (по: [Williams, Ogden, 1994])

и грудь оленя заполнены спиралевидными линиями. Четко прорисованный кружок в уголке рта очень сильно напоминает изображение удила [Krämer, 1996; рис. 8]. Автор публикации этого фрагмента считает маловероятным, что здесь изображен взнузданный олень, так как в этом случае должны быть показаны еще и псалии. Однако при общей схематичности и небрежности рисунка это возражение не выглядит убедительным.

Петроглифы и рисунок на погребальной урне свидетельствуют о том, что в середине – 2-й половине I тыс. до н.э. на огромных пространствах Евразии были актуальны какие-то мифы, персонажами которых выступают всадники верхом на оленях (воины или охотники). Широко распространенная в древности практика героизации племенных вождей требовала их отождествления с мифологическими персонажами с использованием обыгрываемых в мифе аксессуаров и атрибутики. При жизни вождя это отождествление проявлялось в ритуалах с участием маскированных лошадей или взнузданных оленей либо в тиражировании предметов, подчеркивающих его высокий социальный статус. Так, лошадь с головой оленя есть на серии серебряных монет середины I в. до н.э. с надписью VIATEC, кото-

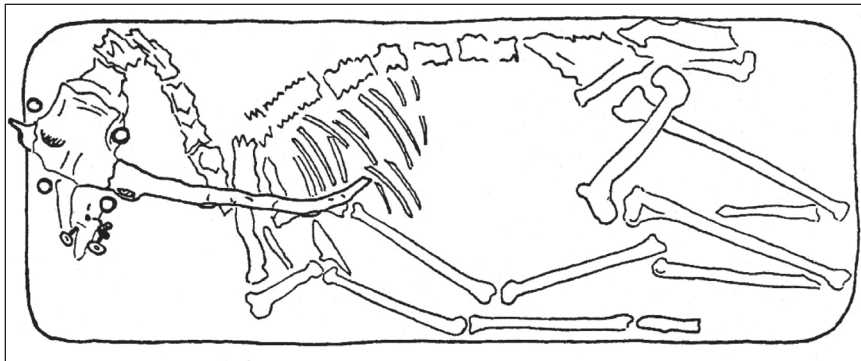

Рис. 7. Погребение оленя в удилах в Вильнёв-Ронвий (по: [Pauli, 1983])

Рис. 8. Граффити из Манхинга
(по: [Krämer, 1996])

животных. Эта роль, возможно, отводилась двум коням, на оголовьях которых были закреплены вырезанные из дерева головы оленя с кожаными рогами. Но олени, запряженные в повозку, – еще один сюжет древнего искусства, известный в разных районах евразийского континента. Олени влекли повозку в петроглифах Чулуута (Монголия) [Новгородова, 1984, с. 66–67, рис. 22], они впряжены в двухколесную повозку с крышей на парных бронзовых бляхах поясной гарнитуры из Северного Китая. Бляхи эти изображают схватку вооруженного мечом воина и его собак с каким-то демоном [Nomadic Art..., 2002, p. 111–112, №81; рис. 9]*. В захоронении в Ханларе (Южное Закавказье) обнаружена реальная ритуальная повозка с возницей, вместе с которой была погребена пара благородных оленей [Гуммель, 1992]. Повозка или колесница – характерный атрибут богов Эллады. «Движителями» этих античных «транспортных средств» выступают посвященные богам животные (реальные или мифологические) и даже птицы и рыбы [Preston, 1997, S. 221–222]. У греков олень был посвящен Артемиде. Однако, помимо колесницы Артемиды, возницей которой мог быть ее брат Аполлон [Hofkes – Brukker, 1975, S. 60–61; рис. 10], его можно видеть влекущим упряжки, которыми правят Ника [Sammlung James Loeb. ..., 2009, S. 79, №31; рис. 11] или менада [Sotheby`s..., 1988, p. 114–115, №180]. На римской «мозаике Вакха» из Трира ко-

рые чеканились кельтским племенем бойев (Богемия и Южная Словакия) [Allen, 1980, p. 52–53, pl. 7]. После смерти вождя эти ритуальные животные приносились в жертву: были убиты маскированная лошадь из Пазырыка и взнузданный олень из Вильнёв-Ронвий; находка удила в Дунае тоже говорит о том, что их переправили в «нижний» мир, мир мертвых. Олень с удилами (?) из Манхинга изображен в нижней части сосуда, что также может свидетельствовать об адресованности жертвы в потусторонний мир.

Маскированные кони были погребены и в V Пазырыкском кургане, среди инвентаря которого имелась разобранная повозка. Наличие повозки подразумевает и наличие тягловых

* Известен и «урезанный» вариант этой бляхи – с изображением только повозки [Ewige Monumente, 2007, S. 284].

лесница, запряженная парой оленей, включена в свиту этого бога [Parlasca, 1959, S. 40–41, Taf. 40.-1, 41.-1], а на фресках Помпей такими же колесницами правят купидоны [Magagnini, de Luca, 2010, S. 110–111, 124–125]. Наконец, олень, запряженный в повозку, отчеканен на реверсе одной из монет кельтского племени аллоброгов [Birkhan, 1997, S. 703–704].

Рис. 9. Бляхи поясной гарнитуры из Северного Китая (по: [Nomadic Art..., 2002])

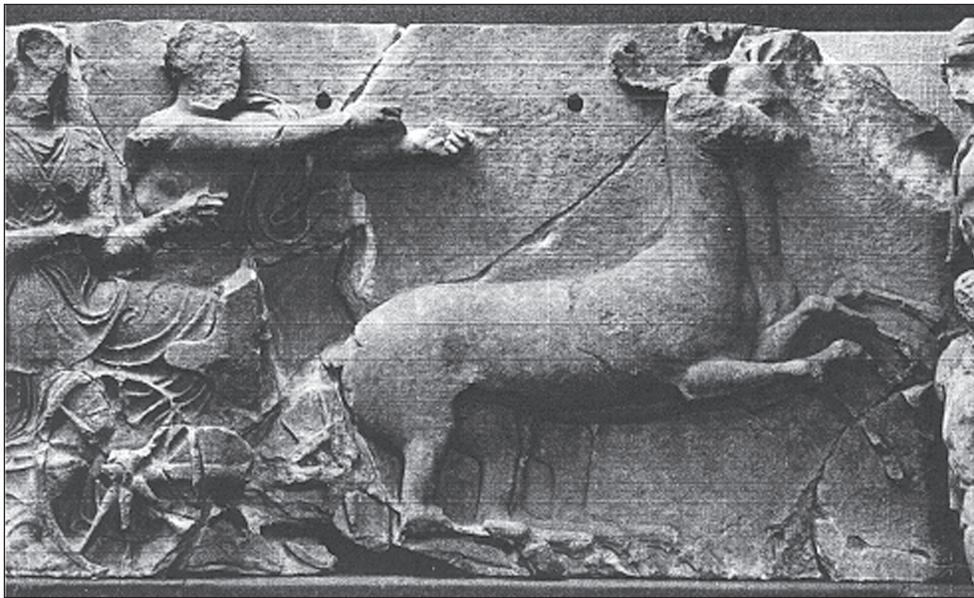

Рис. 10. Артемида и Аполлон в сцене кентавромахии на фризе храма Аполлона Эпикурейского в Бассах (по: [Hofkes – Brukker, 1975])

Артемида, Аполлон, Дионис-Вакх и члены его фиаса, купидоны – все это мифологические персонажи, так или иначе связанные с идеей плодородия. С другой стороны, повозка, запряженная оленями, – на кельтской монете, на китайских бляхах – со сценой борьбы воина и демона или везущая крылатую богиню Победы – на античном бронзовом сосуде, оказывается включенной в контекст какого-то повествования, возвеличивающего военного вождя или героя. Показательно, что практически все эти материалы датируются ранним железным веком, временем, когда вождь или царь оли-

Рис. 11. Ника в колеснице, запряженной оленями на античном бронзовом сосуде (по: [Sammlung James Loeb..., 2009])

но, распространен не столь широко и встречается в основном в пределах скифо-сакского мира. Помимо уже упоминавшихся оголовий из курганов пазырыкской культуры и украшения кулаха из Иссыка, он известен в петроглифах Центральной Азии, где также выбиты лошади с рогами козла, лошади и козлы, запряженные в одну повозку. Исследователи видят в этом графическое отражение индоевропейских мифологем. Эти же мифологемы, вероятно, фиксируются у исландцев (козел, влекущий колесницу бога Тора) и балтов (см.: [Черемисин, 2005, с. 134]). Можно добавить также встречающиеся в вазописи и коропластике античной Греции изображения запряженной козлами двуколки, которыми правят мальчики с чертами Эроса [Coming of Age..., 2003, p. 147, cat. 99;

Рис. 12. Золотой перстень-печатка из Вани (по: [Medeas Gold..., 2007])

цетворял для своих соплеменников и героя, и демиурга с которым ассоциировались благосостояние и мощь коллектива. Вряд ли все это просто случайные совпадения. По-видимому, и здесь мы сталкиваемся с отголосками каких-то мифов или сказаний, восходящих к эпохе индоевропейского единства и востребованных в ту героическую эпоху. И повозка, и маскированные под оленя кони из V Пазырыкского кургана, – возможно, указания на отождествление с мифологическим персонажем вождя, чья татуированная мумия была там погребена.

Сюжет маскирования или замещения коня козлом был, вероятно, распространен не столь широко и встречается в основном в пределах скифо-сакского мира. Помимо уже упоминавшихся оголовий из курганов пазырыкской культуры и украшения кулаха из Иссыка, он известен в петроглифах Центральной Азии, где также выбиты лошади с рогами козла, лошади и козлы, запряженные в одну повозку. Исследователи видят в этом графическое отражение индоевропейских мифологем. Эти же мифологемы, вероятно, фиксируются у исландцев (козел, влекущий колесницу бога Тора) и балтов (см.: [Черемисин, 2005, с. 134]). Можно добавить также встречающиеся в вазописи и коропластике античной Греции изображения запряженной козлами двуколки, которыми правят мальчики с чертами Эроса [Coming of Age..., 2003, p. 147, cat. 99; Die Antiken..., 1993, S. 87, №58] либо непосредственно сам Эрос [Pergamon..., 2012, S. 490–491, Kat. 4.-4], и упоминания о повозке с Дионисом и Силеном, в которую впряжены козел и пантера [Preston, 1997, S. 221–222]. Кроме того, античная мифология упоминает об Афродите Эпитрагии (на козле скачущей). Ее изображения известны с IV в. до н.э. [Die Unsterblichen..., 2012, S. 221, Abb. 15.10.-a–b]. На территории Центральной и Западной Европы этот сюжет как будто не выявляется. Возможно, это связано с тем, что в мифологии древних племен, их населявших, козел,

в отличие от оленя, не играл сколь-нибудь серьезной роли. И ту нишу, которую в мифологии и ритуальной практике индоевропейских племен Центральной Азии занимали связки: конь–олень, конь–козел и конь–бык, у индоевропейцев Западной Европы занимали только конь–олень и конь–бык.

Рисунки животных, сочетающих признаки лошади и быка, известны в центральноазиатских петроглифах. В Чулууте это рогатые кони (см.: [Черемисин, 2005, с. 132]), на перевалах Каракорума, напротив, показан коленапоклоненный бык с лошадиной гривой [Zwischen Gandhra..., 1985, S. 13–15, Ph. 5, Taf. 4]. Можно думать, что в этих случаях мы имеем дело с жертвенными животными. Однако эти мифологические существа могли быть и действующими лицами каких-то героических сказаний. Основания для такого утверждения дает ряд интересных находок, сделанных в Колхиде, Фракии, Скифии, Сирии и на территории, населенной племенами кельтов.

Могила №9 некрополя Вани (3-я четверть IV в. до н. э.) из-за богатства и разнообразия погребального инвентаря, включавшего повозку, античные импорты и многочисленные и разнообразные предметы вооружения, получила обозначение – «могила знатного воина». Погребенному принадлежало и множество золотых и серебряных перстней-печаток. На щитке одного из них – скачущий влево всадник в доспехах и шлеме с копьем или дротиком в занесенной для удара или броска правой руке. К шее лошади подвешена отрубленная бородатая голова, а между ее ушей изображен бычий рог [Medeas Gold, S. 78–85; рис. 12].

Примерно этим же временем датировалось фракийское погребение в Вазово, к сожалению, пострадавшее от грабительских раскопок. От его инвентаря сохранились золотые протона и фрагмент крыла фантастического коня (по-видимому, это все, что осталось от типичного для фракийских древностей ритона). Отличительный признак этого «Пегаса» – тоже бычий рог между ушей [Thracian Gold..., 1998, p. 136–137, cat. 61; рис. 13].

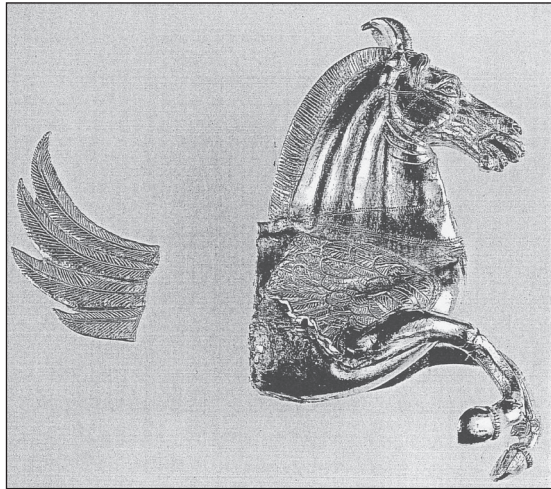

Рис. 13. Фрагменты золотого ритона из Вазово (по: [Ancient Gold..., 1998])

Рис. 14. Серебряная тетрадрахма Селевка I Никатора (по: [Franke, Hirmer, 1964])

Рис. 15. Серебряная кельтская монета из Манхинга (по: [Egger, 1989])

верхового коня царя, украшенной бычьими рогами или рогами и перьями. По мнению исследователей, эти рога символизируют божественную мощь [Franke, Hirmer, 1964, S. 150–151, Taf. 204; Göbl, 1978, S. 170, Taf. 64, №1171; Alföldi, 1978, S. 112; рис. 14].

Для серии маленьких серебряных кельтских монет типа Манхинг характерно очень грубое изображение человеческой головы на аверсе и лошади на реверсе. На общем фоне выделяется экземпляр, обнаруженный на одноименном oppidum. Считается, что это единственная монета данного типа с изображением на реверсе быка, хотя и отмечается при этом, что его корпус практически повторяет лошадиный, как он подается на других монетах этой серии. Более того, характерными ямками резчик показал даже гриву на шее животного. Единственное сходство с быком ему придают рога с шариками на концах, что очень типично для металлопластики кельтов [Egger, 1989; рис. 15]. По всей видимости, это просто еще один вариант рогатого коня.

Монета из Манхинга может помочь интерпретировать еще одну кельтскую находку. В 1-й трети XIX в. при торфоразработках в одном из озер Шотландии был обнаружен бронзовый орнаментированный предмет – нечто среднее между маской и наголовником коня.

Рис. 16. Маска-оголовье из Шотландии («Pony cap») (по: [Kunst der Kelten..., 2009])

Стоит упомянуть в связи с этим и золотой конский налобник из скифского Александропольского кургана в форме головы лошади с характерным рогообразным выступом между ушей [Im Zeichen..., 2007, S. 255].

Развитие этой традиции ярко проявилось в монетном чекане государства Селевкидов 1-й половины – середины III в. до н.э.: на серебряных тетрадрахмах Селевка I Никатора и Антигона II Теоса помещено изображение головы

В 1-й трети XIX в. при торфоразработках в одном из озер Шотландии был обнаружен бронзовый орнаментированный предмет – нечто среднее между маской и наголовником коня. Из-за маленьких размеров он не подходит для обычной лошади, поэтому за ним закрепилось полусушутливое название «Pony cap». Изделие считается шедевром кельтского искусства Британских островов, и вместе с тем оно демонстрирует несомненные связи с искусством кельтов материковых. Изготовили его около 200 г. до н.э. Рядом с ним было два бронзовых рога с надетыми на концы утиными головками. К сожалению, «Pony cap» имеет повреждение в области лба, из-за чего закрепление рогов на оголовье (продукт творчества реставраторов) вызывает у ряда специалистов определенные сомнения [Kunst der Kel-

ten..., 2009, S. 230–231, Abb. 306; Birkhan, 1997, S. 703–704; рис. 16]. Однако и маска, и рога, помимо того, что они обнаружены в непосредственной близости друг от друга, сделаны из одного и того же материала, одной и той же техникой и украшены практически в идентичной манере. Допущение, что рога могли быть ритонами, неубедительно из-за их слишком маленького размера. Думается все-таки, что предложенная реставрация «Pony cap» достаточно убедительна, а то, что она была найдена в озере, может поставить ее в один ряд с находкой удил в Дунае и с граффити из Манхинга. Возможно, мы имеем в этих случаях примеры принесения в жертву рогатых лошадей героизированному умершему, и повреждения маски из Шотландии могут быть следами широко распространенной у кельтов практики ритуальной порчи предметов.

Очевидно, ритуальная практика превращения коня в рогатое животное и мифологические представления, связанные с существованием рогатых лошадей и семантических эквивалентов конь-олень, конь-бык, конь-козел, были распространены чрезвычайно широко и были характерны для идеологии не только кочевников Евразии, но и их соседей – оседлых земледельцев и скотоводов. Героическая составляющая некоторых мифов с участием рогатого коня делала их особенно актуальными в I тыс. до н.э., когда роль воина-вождя-героя была особенно велика. И при интерпретации подобных сюжетов и связанных с ними находок могут оказать существенную помощь не только материалы соседних территорий, но и весьма отдаленных регионов.

Библиографический список

- Акишев К.А. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Гуммель Я.И. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ. 1992. №4. С. 5–15.
- Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. С. 96–119.
- Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1979. С. 211–229.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 167 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с., табл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 359 с., табл.
- Черемисин Д.В. О семантике маскированных рогатых лошадей пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №2 (22). С. 129–140.
- Alföldi M.R. Antike Numismatik. Teil 1 // Kulturgeschichte der antiken Welt. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1978. Bd. 2. 218 S.
- Allen D.F. The Coins of the Ancient Celts. Edinburgh: University Press, 1980. 265 p.
- Anati E. Camonica Valley. N. Y.: Ed. Alfred A. Knopf, 1961. 262 p.
- Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. N. Y.: Harry N. Abrams, Inc. Publishers, 1998. 255 p.
- Birkhan H. Kelten. Versuch einer Gesamtdarstellung ihrer Kultur. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. 1275 S.
- Botheroyd S. & P. F. Keltische Mythologie von A–Z. Wien: Tosa Verlag, 2004. 378 S.
- Die Antiken im Albertinum. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1993. 109 S.
- Die Unsterblichen Götter Griechenlands. Lindenberg im Allgäu: Kunstverlag Josef Fink, 2012. 600 S.
- Egger M. Die erste Stierdarstellung auf einer keltischen Münze aus Bayern // Das archäologische Jahr in Bayern. 1988. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1989. S. 90.
- Ewige Monumente. Grabschätze vergangener Kulturen. Wiesbaden: White Star Verlag GmbH, 2007. 432 S.
- Franke P. R., Hirmer M. Die griechische Münze. München: Hirmer Verlag, 1964. 174 S.

- Göbl R. Antike Numismatik. München: Battenberg Verlag, 1978. Bd. 2. 283 S., Taf.
- Hofkes-Brukker Ch. Der Bassai-Fries in der ursprünglich geplanten Anordnung // Hofkes-Brukker Ch., Mallwitz A. der Bassai-Fries. München: Prestel Verlag, 1975. S. 43–145.
- Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York: Prestel Verlag, 2008. 340 S.
- Krämer W. Figürliche Ritzzeichnungen auf Gefäßscherben Glatter Drehscheibenkeramik der Mittel- bis Spätlatènezeit // *Germania*. 1996. №74. S. 361–376.
- Kunst der Kelten. 700 v. Chr. – 700 n. Chr. Stuttgart: Belser Verlag, 2009. 304 S.
- Magagnoli A., de Luca A. Meisterwerke aus Pompeji. Prachtvolle Wandgemälde. Vercelli: White Star Verlag, 2010. 175 S.
- Medea's Gold. Neue Funde aus Georgien. Tiflis: Verlag Georgisches Nationalmuseum, 2007. 143 S.
- Neils J., Oakley J. H. Coming of Age in Ancient Greece. Images of Childhood from the Classical Past. New Haven and London: Yale University Press, 2003. 333 p.
- Nomadic Art of the Eastern Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections. N. Y.: Yale University Press, 2002. 233 p.
- Parlasca K. Die römischen Mosaiken in Deutschland // *Römisch-Germanische Forschungen*. 1959. Bd. 23. 156 S., Taf.
- Pauli L. Eine frühkeltische Prunktrense aus der Donau // *Germania*. 1983. Bd. 61. S. 459–486.
- Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2012. 529 S.
- Preston P. Metzler-Lexikon antiker Bildmotive. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1997. 249 S.
- Samašev Z.S., Bazarbaeva G.A., Žumabekova G.S. Die «goldhütenden Greifen» des Herodot und die archäologische Kultur der frühen Nomaden im kazachischen Altai. Skythenzeitlichen Kurgane von Berel' und Tar Asu // *Eurasia Antiqua*. 2002. Bd. 8. S. 237–276.
- Sammlung James Loeb // *Forschungen der Antikensammlungen und Glyptothek*. 2009. Bd. 1. 160 S. Sotheby's. Antiquities. 11th July. 1988.
- Vajda L. Untersuchungen zur Geschichte der Hirtenkulturen // *Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München*. Herausgeber: Georg Stadtmüller. Wiesbaden: Verlag Otto Harrassowitz, 1968. Bd. 31. 648 S., Abb.
- Williams D., Ogdon J. Greek Gold. Jewellery of the Classical World. L.: British Museum Press, 1994. 256 p.
- Zwischen Gandhra und den Seidenstrassen. Felsbilder am Karakorum Highway. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. 36 S., Abb.

F. Metz

POSSIBLE MEANINGS AND PARALLELS TO «HORNED» HORSES OF PAZYRYK CULTURE

Excavation of Pazyryk barrows in Altai dating from the Scythian-Saks time revealed a uniquely preserved series of products made from organic materials. Among them was the horse mask headband, which «turned» the horse into a horned animal e.g. deer, goat, griffin. Extensive literature is devoted to questions of the meaning of the ancient masked horses, of which there are several graphic reconstructions. Comparison of the masks found in Pazyryk barrows, to some artifacts and to pictorial complexes discovered in the territory from China to the British Isles, enables one to assume the existence of these mythical characters; horsemen riding on horned animals in the huge spaces of Eurasia in the 2nd half of the first millennium BC. This probable component of such heroic myths makes them particularly relevant to the early Iron Age, when the expectation for the role of the warrior/leader/ hero was great. Interpretation of these activities can reveal certain aspects of the worldview of ancient peoples. Materials from neighboring areas as well as from very remote regions may provide substantial assistance in this process.

Keywords: Altai, early Iron age, the Pazyryk culture, horse masks for head, images of a «horned» horse.